БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Приюты комедиантов

В ПИТЕРСКОМ театре — затянувшееся безвременье. Еще вчера казалось, что вот-вот закончится, то есть вот-вот что-то начнется. Не начинается!

Но театральный союз держит хвост морковкой и проводит один за другим всевозможные конкурсы: на лучший спектакль минувшего сезона, на лучшую актерскую работу, на лучшую студийную, детскую и проч. В середине ноября собрались на свою секцию критики и попытались выбрать из пяти десятков прошлогодних премьер лучшие. Сезон, замечу, был провальный — одна за другой рушились надежды и иллюзии. И, кроме «Бесов», нам в историю отечественного театра вложить нечего. После тайного голосования равное количество голосов набрали «Бесы», «Москва. Моление о чаше» (театра «Русские ночи», состоящего из актеров Валентины Белецкой, Александра Маркова и режиссера Григория Козлова) и «Чушь во фраке» (театр «Комик-трест», режиссер Вадим Фиссон).

Триада столь же забавная, сколь и символическая. Восьмичасовая глыба додинских «Бесов» рядом с очаровательным эстрадным пустячком «Чушь во фраке» — это, может быть, и не слон рядом с мухой, но что-то вроде оперы Шёнберга рядом с песенкой Вертинского. Сумятица, в которую ввергнута питерская сцена, прощает диссонансы. Здесь борьба с идолами и деспотами достигла такого накала, что авторитеты ни в грош не ставятся, разница между актерами и режиссерами едва улавливается, как, впрочем, и различие полов. Революция, одним словом.

Симптоматично, что на фоне обезрежиссеривания питерской театральной жизни (профессией по большому счету занимаются, если судить по результату, Додин и Спивак) актерские силы пока не иссякли. Это, конечно, не делает погоды, не избавляет от чувства неловкости — домашние радости! — но все же как-то оправдывает наличие театров в культурном слое. Такая ситуация не может продлиться долго, актерская вольница бывает пострашней режиссерского самодурства и требует «берегов». Но сейчас соотношение актерского и режиссерского начал видится мне боем бабочек с танками.

Только что некая фирма «Кэт» устроила бенефис Ирины Соколовой. Эта артистка — краса и гордость питерской сцены, наша Бабанова, наша Джульетта Мазина. За тридцать лет служения детскому театру она не утратила ни трепетности отношения к делу, ни молодости, ни звонкого голоса, ни хрупкости, ни чувства юмора. Хотя часто бывало ей не до смеха — и при Корогодском, и при нынешнем худруке Тюза Андрее Андрееве. Первое, что поразило, — бенефис состоялся не на сцене Тюза. Приютил бенефициантку и ее многочисленных почитателей Театр имени В. Ф. Комиссаржевской (вот почему вспомнился «Бой бабочек»). Второе потрясение — сама Ирина Соколова. Она танцевала знаменитую партию Комарика в балете «Муха-Цокотуха», пела а капелла женские плачи Валерия Гаврилина, играла мудрую мамашу Кураж, одинокую интеллигентную дамочку в потертой шубке («Два пуделя») и бесподобную эгоистку Кошку, которая гуляет сама по себе. Актриса вспомнила и своих милых, злых и шкодливых девочек-мальчиков, но все-таки амплуа травести — не самая сильная ее сторона. Она женственна. А этой гранью ее дарования нынешний Тюз не прельстился.

Еще одна неожиданность — атмосфера бенефиса. Это был тот Тюз, которого уже нет: зрители, которые уже не посещают чужое, холодное помещение на Семеновском плацу, актеры, которые стали диссидентами, ушли из родного театра или «на вылете». На сцену выходили Антонина Шуранова, Александр Хочинский, Валерий Дьяченко, Игорь Шибанов, Наталья Боровкова, Александр Блок и даже З. Я. (Корогодский). Это был праздник в изгнании, а слезы на глазах — не только от радости. (С-Пб)

Бой на территории Тюза выиграл Андрей Андреев. Это в искусстве побеждают бабочки, а в жизни — тяжелая бронетехника. Бои за большие сцены выигрывают дипломированные режиссеры, не всегда таковыми являющиеся. Их главная задача — чтобы поменьше было спектаклей, актеров и всей этой прочей чепухи. Оттого так много в Питере Аркашек Счастливцевых, заблудившихся между Ленкомом и Пушкинским театром, между «Открытым» и Комедией. Разных возрастов, разных дарований, разных темпераментов (впрочем, как правило, очень высокого градуса) и характеров. Это и покорившая почти все сцены города, и поругавшаяся почти со всеми режиссерами Лайла Киракосян. Это и юная, прелестная тюзянка Таня Михалевкина. Это и Светлана Смирнова, Алексей Арефьев, Владимир Особик, Леонид Кудряшов, Александр Лыков — называю только самых известных. Их десятки, бездомных, бесприютных, со сломанными судьбами, питерских театральных бомжей. И только единицы находят себя, находят опору.

В прошлом году из БДТ ушла Наталья Данилова. Одна из первых петербургских театральных красавиц. Удачливая киноактриса (вспомним хотя бы швейцеровские «Маленькие трагедии» или «Место встречи изменить нельзя»). В БДТ ей не везло: застряла на амплуа инженю и только пару вводов имела на «взрослые» роли — в «Дачниках» и в «Дяде Ване». Чем дальше, тем меньше интересовала она режиссеров. Поняла, что перспективы никакой, что годы уходят... Приютил Наташу «Приют комедианта». Юрий Томошевский нашел для нее пьесу — «Медею» Людмилы Разумовской, окружил сильными актерами (З. Шарко, М. Девяткин) — и открыл никем не подозревавшийся трагический талант. То, что терялось на большой сцене, выявилось в камерном зальчике. А вернее — в атмосфере внимания, участия, поддержки.

Можно посетовать, что настоящая жизнь разбегается в Питере «по углам». Но что ж огорчаться? Идет децентрализация. Еще лет десять назад и Малый драматический казался медвежьим углом. И если из театров-фабрик творческие силы перетекают в театры-приюты — пусть! Кто сказал, что для театра нужно что-то, кроме крыши над головой, одного коврика и двух актеров!..

Елена АЛЕКСЕЕВА